

В. А. Лазарева

ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

© Лазарева Валентина Александровна (v.a.lazareva@mail.ru), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема докторской диссертации: «Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики». Автор более 200 научных работ, в том числе учебников, монографий и учебных пособий: «Участие прокурора в уголовном процессе» (2017), «Доказывание в уголовном процессе» (2016), «Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе» (2000), «Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе» (1999). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Защита прав личности в уголовном процессе России» (2017), «Уголовное судопроизводство» (2017), «Уголовный процесс» (2017), «Памятники российского права» (2016).
Область научных интересов: проблемы защиты прав и свобод участников уголовного процесса.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются проблемы и перспективы развития досудебного производства и его места в системе уголовного процесса.

Прошедшие с момента принятия и вступления в действие УПК РФ без малого два десятилетия – достаточный срок для того, чтобы задуматься о перспективах дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства. Период сравнения с УПК РСФСР в целях демонстрации преимуществ нового закона завершен, а процесс выявления и устранения его недостатков, похоже, бесконечен. Множество внесенных в Уголовно-процессуальный закон изменений преобразили его лицо, но сделали ли они его совершеннее? Что дальше – продолжать реформировать уголовное судопроизводство, совершенствуя его институты, или время диктует потребность в разработке принципиально иной модели производства по уголовному делу?

В статье рассматриваются предложения по реформированию досудебного производства с позиций теории доказывания, анализируется проект внедрения в уголовный процесс РФ фигуры следственного судьи, формулируется вывод о безальтернативности движения в направлении развития состязательности. Различия между дознанием и предварительным следствием столь несущественны, что позволяют ставить вопрос об унификации досудебного производства по делам о преступлениях, требующих предварительного расследования, и поглощении доследственной проверкой нынешней сокращенной формы дознания по делам, по которым расследование не вызывается объективной необходимостью. В итоге в РФ должно сформироваться понятие судебных доказательств – сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, полученных в справедливой (состязательной) процедуре судьей из представленных сторонами источников.

Ключевые слова: следователь, предварительное расследование, уголовное преследование, доследственная проверка, следственный судья, следственные действия, судебные доказательства

Цитирование. Лазарева В. А. Досудебное производство: перспективы развития // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 67–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-67-73>.

V. A. Lazareva

PRE-TRIAL PROCEEDINGS: PROSPECTS OF DEVELOPMENT

© **Lazareva Valentina Aleksandrovna (v.a.lazareva@mail.ru)**, Doctor of Law, professor, professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Judicial protection in criminal proceedings of the Russian Federation: problems of theory and practice». Author of more than 200 scientific works, including textbooks and monographs: «Participation of the prosecutor in criminal proceedings» (2017), «Proof in criminal proceedings» (2016), «Theory and practice of judicial protection in criminal proceedings» (2000), «Judicial power and its implementation in criminal proceedings» (1999). A number of scientific papers written in collaboration: «Protection of individual rights in the criminal process of Russia» (2017), «Criminal proceedings» (2017), «Criminal procedure» (2017), «Monuments of Russian law» (2016). **Research interests:** problems of protection of rights and freedoms of participants in criminal proceedings.

ABSTRACT

The article analyzes the problems and prospects of development of pre-trial proceedings and its place in the criminal procedure system.

Almost two decades have passed since the adoption and entry into force of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation – a sufficient period to think about the prospects for further development of criminal procedure legislation. The period of comparison with the Criminal Procedure Code of the RSFSR in order to demonstrate the advantages of the new law is completed, and the process of identifying and eliminating its shortcomings seems to be endless. The vast array of changes made to the criminal procedure act had transformed his face, but had they made it more perfect? What next-to continue to reform the criminal justice system, improving its institutions, or time dictates the need to develop a fundamentally different model of criminal proceedings?

The article considers the proposals for reforming pre-trial proceedings from the standpoint of the theory of evidence, analyzes the project of introducing the figure of an investigative judge into the criminal process of the Russian Federation, and concludes that there is no alternative to moving in the direction of the development of competitiveness. The differences between the inquiry and the preliminary investigation are so insignificant that they allow us to raise the question of the unification of pre-trial proceedings in cases of crimes requiring preliminary investigation, and the absorption by the pre-investigation check of the current abbreviated form of inquiry in cases in which the investigation is not caused by an objective necessity. As a result in the Russian Federation the concept of judicial proofs – data on the circumstances having value for business received in fair (competitive) procedure by the judge from the sources presented by the parties has to be formed.

Key words: investigator, preliminary investigation, criminal prosecution, pre-investigation check, investigative judge, investigative actions, judicial evidence.

Citation. Lazareva V. A. *Dosudebnoe proizvodstvo: perspektivy razvitiya* [Pre-trial proceedings: prospects of development]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 4, pp. 67–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-67-73> [in Russian].

Прошедшие с момента принятия и вступления в действие УПК РФ два десятилетия – достаточный срок для того, чтобы задуматься о перспективах дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства. Период сравнения с УПК РСФСР в целях демонстрации преимуществ нового закона завершен, а процесс выявления и устранения его недостатков, похоже, бесконечен. Множество внесенных в Уголовно-процессуальный закон изменений преобразили его лицо, но не сделали его совершеннее. Что дальше – продолжать реформировать уголовное судопроизводство, совершенствуя его институты, или время диктует потребность в разработке принципиально иной модели производства по уголовному делу?

В числе обсуждаемых проблем, пожалуй, самыми важными являются пути реорганизации досудебного производства, роль которого в нашем уголовном процессе многим представляется гипертрофированной.

Значимость досудебного этапа уголовного судопроизводства для достижения его целей и задач и реализации его назначения сомнению не подлежит. Она бесспорна. Ни одно уголовное дело, за исключением простейших, отнесенных к делам частного обвинения, не может быть рассмотрено судом без предварительной подготовки, требующей значительных затрат сил, средств и времени. Однако досудебное производство, сложившееся в

нашей стране, все более усложняет свои процессуальные формы и продолжает упорно претендовать на главенствующую роль в уголовном процессе, в то время как обновленная система принципов уголовного процесса диктует приоритет судебных стадий, поскольку именно в них эти принципы реализуются наиболее полно.

Поиск оптимального соотношения между досудебной и судебной частями уголовного судопроизводства, который сопровождает всю историю развития уголовно-процессуального законодательства, проходит в ситуации непростого выбора между стремлением к абсолютной истине и состязательностью, между результатом процессуальной деятельности и ее процессуальной формой. Как представляется, именно этот выбор определяет разницу между досудебной и судебной частями уголовного процесса. Органы предварительного расследования обязаны эту самую истину отыскать, отсюда и огромные, только им на досудебном этапе уголовного процесса предоставленные полномочия. Отсюда и разрешение на поиск информации путем проведения не только следственных действий, но и оперативно-розыскных, а также иных, так называемых непроцессуальных, применяемых в ходе следственной проверки. Суд же привержен состязательному началу, его задачей является не установление события преступления и выявление виновных в его совершении лиц, а объективное исследование представленных ему сторонами материалов в целях принятия обоснованного решения по существу предъявленного подсудимому обвинения. Разность целей и задач, стоящих перед органами предварительного расследования и судом, диктует разные требования к процессуальной форме и условиям деятельности следователя и суда. Судебное исследование доказательств, в отличие от предварительного расследования, протекает в обстановке устности, гласности и непосредственности, при активном участии обеих сторон, которым суд обязан обеспечить равные возможности для изложения и обоснования своих позиций. Для суда результаты предварительного расследования не обладают юридической силой, они лишь объект исследования. Основания же судебной убежденности формируются исключительно в процессе состязательного судебного следствия.

Осознание неизбежности движения в указанном направлении повышает интерес к вопросам нормативной регламентации и практики реализации состязательности в уголовном процессе в целом и перспективам развития предварительного расследования в частности.

Сразу заметим – вариантов обсуждается много [1], но последовательная реализация любого из них нуждается в обозначении некоторых базовых точек, отталкиваясь от которых можно было бы моделировать целесообразный порядок уголовного судопроизводства.

Ключевой вопрос теории уголовного процесса – это вопрос о взаимоотношениях государственных органов и должностных лиц, осуществляющих

уголовно-процессуальную деятельность *ex officio*. Признание на конституционном уровне уголовного процесса РФ состязательным требует такой организации судебной власти, при которой она могла бы гарантировать равноправие и обеспечивать равновесие сторон. Возможность выполнения такой роли зависит от осознания судьей своей самостоятельности и независимости от органов предварительного расследования и прокуратуры, функциональное назначение которых не совпадает с назначением суда.

Известно, что работа следователя в значительной мере подчинена задаче создания нерушимого фундамента обвинительного приговора [2, с. 3], а фактически – формированию следственного дела, содержащего огромное количество документов, часть которых в письменном виде фиксирует информацию, представляющую собой результат его, следователя, восприятия фактов и обстоятельств, связанных с расследуемым событием, другая отражает множество действий организационно-распорядительного характера. Письменное оформление процессуальных действий следователя призвано не только сохранить полученную им информацию в целях ее последующего использования, но и удостоверить соответствие каждого его шага предписаниям закона. В результате формируется массив доказательств, законность получения которых подтверждена документально и которые должны убедить суд в обоснованности предъявленного лицу обвинения. Последовательно ужесточая требования к допустимости доказательств и усложняя порядок процессуальных действий в ходе досудебного производства, УПК РФ фактически узаконил категорически отвергаемый наукой ранее формальный подход к оценке доказательств. Во главу угла поставлен его величество протокол, соблюдение правил оформления которого служит главным критерием оценки его содержания.

Роль суда при такой организации предварительного следствия фактически заключается в констатации факта доказанности обвинения и определении меры наказания, что наглядно демонстрирует процедура рассмотрения уголовного дела в одном из особых порядков судебного разбирательства, где суд постановляет обвинительный приговор без непосредственного исследования обстоятельств преступления.

Такая форма осуществления уголовного судопроизводства не только показывает достаточно высокую эффективность, но и подтверждает преемственность досудебного и судебного этапов: доказательства, собранные в ходе предварительного расследования в подтверждение виновности обвиняемого, имеют то же значение для суда и ложатся в основание обвинительного приговора. Естественно, такая форма осуществления правосудия возможна лишь при наличии определенных условий, одним из которых является отсутствие спора между обвинением и защитой по всем существенным аспектам, главным образом по вопросу о вине. Наличие такого спора требует тщательного

исследования всех обстоятельств совершенного преступления и доказательств в полном соответствии с конституционными принципами функционирования судебной власти.

Поскольку одной из спорящих сторон является обвиняемый, именно его позиция, или, по определению Е. А. Артамоновой, волеизъявление [3], является фактором, влияющим на выбор формы уголовного судопроизводства, который, однако, не отменяет действия принципов уголовного процесса и не умаляет их значения гарантии как свободы волеизъявления обвиняемого, так и независимости судебной власти. В подтверждение можно привести множество соответствующих положений уголовно-процессуального закона, в чем в силу их очевидности не видим необходимости.

Таким образом, сегодня уже сложились две разные системы уголовного процесса, одна из которых, основанная на соглашении сторон, не предлагает сложных форм состязательного судопроизводства, но нуждается в строгом судебном контроле и гарантиях свободы волеизъявления обвиняемого. Вторая требует соблюдения всех собственных состязательному процессу общих условий (устность, гласность, непосредственность, равноправие и т. д.) и принципов. При отсутствии согласия сторон основанием судебского убеждения, реализуемого в обвинительном приговоре, не могут быть доказательства, полученные в иных условиях и в процедурах, исключающих действие правил состязательного уголовного процесса. Отсюда и возникает поставленный выше вопрос о принципах взаимодействия органов предварительного расследования и суда, а если точнее, то о функции и месте следственных органов в общей структуре уголовной юстиции.

Анализ ответов на поставленный вопрос, частично представленных в известном труде об аппарате следственной власти [1], позволяет свести их многообразие к двум позициям.

Одна, основанная на действующем законе, воспринимает следователя как носителя функции уголовного преследования, представителя обвинительной власти. Вторая желает видеть следователя таким же объективным и независимым исследователем, как суд. Но ни та, ни другая концепции последовательно не реализованы, поскольку, с одной стороны, как орган уголовного преследования следователь несет обязанность доказывания виновности, а с другой – формирует доказательства, фактически признаваемые за судебные. Так кто же он – российский следователь?

Следует отметить, что в теории уголовного процесса время от времени предпринимается попытка обосновать концепцию множественности функций следователя. Такую позицию излагает и М. Т. Аширбекова [4], по мнению которой следователь кроме функции уголовного преследования осуществляет правообеспечительную функцию, а также расследование, которое тоже принимается за функцию. Чтобы не отвлекаться в дальнейшем изложении, укажем сразу на недостатки этой кон-

струкции, приведя те аргументы, которые нами неоднократно использовались ранее.

Распределение функций среди участников уголовного процесса обусловлено его внутренней организацией, которая основана на принципах уголовного судопроизводства, и УПК РФ в этом отношении сильно отличается от УПК РСФСР. Основанный на принципе публичности, советский уголовный процесс исходил из единства деятельности всей системы его официальных участников, обусловленного единством его целей и задач. Лицо, производящее дознание, и следователь, так же как суд, полно, объективно и всесторонне исследуя обстоятельства дела, обязывались к раскрытию преступления и изобличению виновных. Обязанность объективно исследовать обстоятельства преступления и изобличать виновных не разделялась между судом и органами предварительного расследования. И хотя официальная доктрина исходила из того, что следователь должен быть таким же объективным и непредвзятым, как судья, на деле это судья утрачивал объективность и непредвзятость, поскольку на него, как и на следователя, возлагалась ответственность за доказанность виновности подсудимого.

То принципиальное различие между обязанностями следователя и суда, которое обусловлено состязательностью уголовного процесса, затухает в концепциях, которые отождествляют функцию следователя с осуществляемой им деятельностью – предварительным расследованием, умалчивая о смысловом ее содержании. Работа следователя, бесспорно, имеет исследовательский характер. Так же бесспорно, что расследование должно производиться объективно, полно и всесторонне. Однако целью расследования является раскрытие преступления и изобличение виновного, что называется в п. 55 ст. 5 УПК РФ уголовным преследованием и вряд ли может быть чем-то иным.

Что касается правообеспечительной деятельности, то она, вытекая из положений ст. 6 УПК РФ, не образует отдельного направления уголовного-процессуальной деятельности, а пронизывает каждый шаг всех осуществляющих ее субъектов. Именно поэтому правообеспечение не может считаться функцией следователя, хотя, выполняя свою функцию, следователь обязан обеспечивать права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и других лиц, соприкасающихся с расследованием. Нарушение прав участников уголовного процесса может поставить под сомнение результаты расследования и ослабить эффективность уголовного преследования.

Таким образом, возвращаясь к начатому, в состязательной триаде процессуальных функций место следователя можно искать только среди органов судебной или обвинительной власти.

Принятие концепции о следователе как носителе судебной власти, на наш взгляд, не решает проблем уголовного судопроизводства. Формально узаконив этим статус следственных доказательств

как судебных, мы лишь усугубляем дисбаланс сторон, одна из которых практически отстранена от формирования доказательственной базы, зато вторая своей деятельностью предопределяет приговор суда. Кроме того, отнесение следователя к судебной власти потребует решения вопроса о замене субъекта уголовного преследования в ходе досудебного производства. Логично предположить передачу функции уголовного преследования в ходе досудебного производства прокурору, что со всей очевидностью повлечет пересмотр взаимоотношений между прокурором и, очевидно, не поднадзорным ему тогда (судебным) следователем, а значит, необходимость системной реформы досудебного производства в целом.

Кстати сказать, эта задача не была решена и в ходе судебной реформы 1864 года. Формально причисленный к судебному ведомству следователь, что признавали и современники, возбуждал уголовное преследование, формулировал обвинение и в целом функционировал не только вне состязательного начала, но и под надзором прокурора.

С учетом сказанного более предпочтительным может оказаться предложение изменить лишь процесс перехода следственных доказательств в ранг судебных, используя институт следственных судей, предложение о введении которых в 2014 году было сформулировано Президентом РФ и поддержано председателем Конституционного Суда [5].

Этот способ реформирования уголовного судопроизводства менее затратен, он позволит сохранить традиции досудебного производства, сложившуюся систему процессуальных, в том числе следственных, действий и процессуальных гарантий, разорвав при этом, говоря словами председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина, «обвинительную связку» между следствием и судом и хотя бы отчасти преодолев «обвинительный уклон» [6, с. 9].

Идея учреждения фигуры следственного судьи соответствует утвердившимся в нашей практике представлениям о роли суда в уголовном судопроизводстве как органе эффективного судебного контроля за предварительным следствием и дознанием, но наполняет этот контроль новым содержанием. Обсуждаемые предложения позволяют заключить, что именно следственный судья примет на себя функцию формирования того уголовного дела, которое поступит на рассмотрение суда (судебного дела), а точнее, формирования судебных доказательств. При этом желаемый результат достигается не за счет принадлежности нового участника уголовного процесса к судебной власти, а исключительно за счет состязательной формы совершения им процессуальных действий.

К полномочиям следственного судьи, кроме ставших уже привычными форм судебного контроля в сфере формирования доказательственной базы, предварительного санкционирования следственных действий и последующей проверки уже совершенных, предполагается отнести непосредственное проведение следственных действий, в частности назначение

судебной экспертизы, легализацию доказательств, представленных сторонами, допрос свидетелей. В результате на рассмотрение суда первой инстанции попадают доказательства, допустимость которых проверена или обеспечена, во-первых, представителем судебной, а не обвинительной власти, во-вторых, с соблюдением принципов справедливой процедуры. Суд, рассматривающий уголовное дело по существу, сосредотачивается на проверке достоверности отдельных доказательств и достаточности для постановления приговора их совокупности.

Переход к формированию доказательств эффективным органом судебной власти решает целый ряд проблем, существование которых порождено несоответствием между существующей у нас организацией предварительного расследования и требованием справедливой процедуры, принципы которой содержатся в ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В частности, реализация этого проекта снимает значительную часть критики в адрес тех положений УПК РФ, которые позволяют суду рассматривать уголовные дела без исследования доказательств: согласие сторон на особый порядок судебного разбирательства можно рассматривать как согласие не только с предъявленным лицу обвинением, но и с совокупностью подтверждающих его доказательств, каждое из которых уже было проверено в предварительных судебных заседаниях с соблюдением требований устности и непосредственности. Более того, с согласия сторон суд может ограничить объем подлежащих непосредственному исследованию доказательств и при рассмотрении уголовного дела в общем порядке, исключив из них те, в оценке которых стороны не имеют разногласий. Подобное предусматривал УПК РСФСР на последнем этапе своего действия для процедуры рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей.

При рассмотрении уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей в перспективе могут быть сняты все вопросы, связанные с заявлением сторон о недопустимости доказательств, поскольку допустимость всех доказательств судом уже проверена. С этих позиций можно рассматривать и вопрос о возможности представления новых доказательств во время судебного разбирательства – полагаем, стороны должны быть обязаны к раскрытию доказательств до начала судебного разбирательства, проводимого с участием присяжных, с тем, чтобы в присутствии присяжных вопрос о законности получения доказательств не возникал и не обсуждался.

Можно ожидать, что работа следственного судьи снимет критические замечания в адрес ст. 89 УПК РФ, признающей доказательствами сведения, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, поскольку их легитимация как источников доказательств, в отличие от существующего порядка, будет осуществляться в предварительной судебной процедуре с участием обеих сторон путем осмотра, допроса лиц, принимавших

участие в оперативно-розыском мероприятии, назначения экспертизы.

Мы видим особенное положительное влияние рассматриваемых преобразований на формирование таких видов доказательств, как показания. Значение доказательств будут иметь лишь показания свидетелей, потерпевших, обвиняемых, которые были получены в ходе судебного допроса. Это исключит распространенное сегодня оглашение протоколов следственных допросов не явившихся в суд лиц и их использование без обеспечения стороне защиты возможности допросить их в условиях непосредственности. Возможно, снимется острота вопроса о принуждении, применяемом к лицам, допрашиваемым в ходе следствия и дознания вне судебной процедуры и без соблюдения установленных ею гарантий.

Передача полномочий по формированию доказательств следственному судье обесмысливает известную дискуссию о понятии доказательства или как минимум изменяет ее направление – доказательствами в такой системе в полном соответствии со ст. 74 УПК РФ будут признаваться любые сведения, представленные сторонами, принятые в качестве таковых следственным судьей после проверки в справедливой процедуре. Следственное действие из способа формирования доказательств [7; 8] преобразуется в способ собирания источников доказательств. Тем самым решается также задача развития состязательности как принципа, который полноценно реализуется и в досудебном производстве. Защита получает реальную возможность добиться, обратившись к следственному судье, проведения следственного действия, представлять суду доказательства, полученные ею без проведения следственных действий. Гарантированным становится право защиты принимать участие в назначении и проведении экспертизы. Сторона обвинения лишается преимуществ, обусловленных тайной предварительного расследования, хотя и не обязана немедленно раскрывать доказательства, а может «придержать» их легализацию до предварительного слушания.

Как представляется, примерно такой механизм формирования судебных доказательств и был заложен в основание предварительного слушания, в ходе которого по ходатайству одной из сторон может быть рассмотрен вопрос об исключении доказательств, полученных и представленных второй стороной. Проявившаяся неэффективность этой процедуры в значительной степени связана с неразделенностью судебных полномочий, реализуемых в предварительном слушании и судебном разбирательстве одним и тем же судьей, который не заинтересован дважды проводить судебное заседание по одному делу.

Перечень вопросов, решение которых обеспечивается введением в уголовный процесс фигуры следственного судьи, позволяет считать эту идею достаточно обоснованной.

Передача суду полномочий по формированию

судебных доказательств – не единственный элемент в системе необходимых, на наш взгляд, изменений досудебного производства. С позиций доказательственного права представляется назревшей постановка вопроса о бессмысленности сохранения двух форм предварительного расследования в существующем виде. Преобразование дознания в предварительное следствие с сохранением лишь его сокращенной формы (глава 32.1 УПК РФ) делает систему предварительного расследования более логичной. В отличие от своей сокращенной формы, обычное дознание сегодня не имеет никаких отличий от следствия, кроме более короткого (хотя и не настолько короткого, как предполагалось первоначально) срока и замены предъявления обвинения уведомлением о подозрении, хотя принципиальную разницу в формулировках ч. 2 ст. 171 и ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ, как и в процессуальном статусе подозреваемого и обвиняемого, обнаружить не просто, а итоговый процессуальный акт дознания отличается от аналогичного документа следствия исключительно своим названием.

При этом мы не видим препятствий к тому, чтобы общие условия предварительного расследования учитывали специфику тех категорий преступлений, расследование которых не требует сложных форм. Возможны, например, дифференцированные сроки расследования, запрет на применение по определенным категориям дел заключения под стражу. В качестве дополнительного бонуса мы, следуя этим путем, получим возможность унифицировать статус прокурора в досудебном производстве, ибо различие его полномочий по отношению к следствию и дознанию не выглядит объективно обусловленным.

Сохранившееся в сокращенной форме дознание могло бы поглотить так называемую доследственную проверку, которая в результате серии изменений превратилась в суррогат расследования, фактически разрушив прежнюю систему способов собирания доказательств и вызвав в связи с этим массу дополнительных критических замечаний. Дискуссионный сегодня вопрос о доказательственном значении результатов доследственной проверки с преобразованием ее в дознание в тех случаях, когда за ним последует предварительное следствие, с учреждением должности следственного судьи тоже утрачивает свою остроту. Такая модель досудебного производства имеет определенное сходство как с советским, при котором дознание могло предшествовать следствию или заменять его по определенным категориям дел, так и с более ранним периодом деления следствия на предварительное, которое могло осуществляться полицией, и формальное.

Таким образом, опираясь на собственный исторический опыт и учитывая все последующие достижения науки и практики, Российская Федерация могла бы сформировать две относительно автономные системы уголовного судопроизводства: а) достаточно простое полицейское дознание с минимально

формализованной системой собирания источников и проверки доказательств по делам о преступлениях мировой и районной подсудности, рассматриваемых, как правило, в особом порядке, и б) полноценное предварительное следствие, проводимое под контролем следственного судьи, по делам о преступлениях, подсудных суду субъекта Федерации. При наличии спора о вине не исключается полноценное разбирательство, в том числе, как сейчас, с участием присяжных заседателей, в нижних звеньях судебной системы, а при отсутствии такого спора возможно сокращенное судебное следствие в более высоком судебном звене, как предусматривала ст. 446 УПК РСФСР в ред. закона от 16.07.1993 № 5451-1.

Библиографический список

1. Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2016. 378 с. URL: <https://www.iaaj.net/node/1965>.
2. Колоколов Н. А. Российский следователь – просвещенный инквизитор с человеческим лицом // Уголовное судопроизводство. 2018. № 3. С. 3–12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35358980>.
3. Артамонова Е. А. Волеизъявление обвиняемого в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 330 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37301254>.
4. Аширбекова М. Т. Соотношение уголовно-процессуальных функций с этапами правоприменения и назначением уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4 (35). С. 90–96. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25039300>.
5. Смирнов А. В. Возрождение института Следственных судей в российском уголовном процессе // РАПСИ. 2015. http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html.
6. Зорькин В. Д. Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькина // Российская юстиция. 2013. № 2. С. 5–9. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28380922>.
7. Шейфер С. А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе. Методологические и правовые проблемы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. 171 с. URL: <https://pl.b-ok.cc/book/3224081/53721c>.
8. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004. 184 с. URL: <http://window.edu.ru/resource/907/46907/files/ssu34.pdf>.

References

1. *Apparat vlasti sledstvennoi. Pod obshch. red. N. A. Kolokolova* [Apparatus of the investigative power. N. A. Kolokolov (Ed.)]. M.: Yurlitinform, 2016, 378 p. Available at: <https://www.iaaj.net/node/1965> [in Russian].
2. Kolokolov N. A. *Rossiiskii sledovatel' – prosveshchennyi inkvizitor s chelovecheskim litsom* [A Russian Investigator, an Enlightened Inquisitor with a Human Face]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Judicial Proceeding], 2018, no. 3, pp. 3–12. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35358980> [in Russian].
3. Artamonova E. A. *Voлеiz'yavlenie obvinyaemogo v ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya* [Will of the accused in criminal proceedings: monograph]. M.: Yurlitinform, 2019, 330 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37301254> [in Russian].
4. Ashirbekova M. T. *Sootnoshenie ugolovno-protsessual'nykh funktsii s etapami pravoprimeneniya i naznacheniem ugolovnogo sudoproizvodstva* [Correlation of criminal procedural functions with stages of law enforcement and appointment of criminal proceedings]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii* [Volograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest], 2015, no. 4 (35), pp. 90–96 [in Russian].
5. Smirnov A. V. *Vozrozhdenie instituta Sledstvennykh sudei v rossiiskom ugolovnom protsesse* [Revival of the Institute of Investigative judges in the Russian criminal process]. *RAPSI*, 2015. Available at: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html [in Russian].
6. Zorkin V. D. *Vystuplenie Predsedatelya Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii V. D. Zor'kina* [Speech of the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation V. D. Zorkin]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justitia], 2013, no. 2, pp. 5–9. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28380922> [in Russian].
7. Sheyfer S. A. *Sobiranie dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse. Metodologicheskie i pravovyye problemy* [Collecting evidence in the Soviet criminal process. Methodological and legal problems]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1986, 171 p. Available at: <https://pl.b-ok.cc/book/3224081/53721c> [in Russian].
8. Sheyfer S. A. *Sledstvennye deistviya. Osnovaniya, protsessual'nyi poryadok i dokazatel'svennoe znachenie* [Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary value]. M.: Yurlitinform, 2004, 184 p. Available at: <http://window.edu.ru/resource/907/46907/files/ssu34.pdf> [in Russian].